

НЕДЕЛЯ О СТРАШНОМ СУДЕ

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАБЕВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

№ 331

19 февраля 2017 г.

Не раз и не два Евангелие предупреждает нас о том, что мы будем судимы, и о том, как мы можем спастись и не быть осужденными. В одном месте Господь говорит: Не всякий, говорящий Мне “Господи, Господи”, войдет в Царство Небесное... Некоторые придут и скажут: Не преломляли ли мы хлеб во дворах Храма Твоего? Не молились ли мы, не воспевали ли славу Твою?.. И Я скажу им: Отойдите от Меня, делатели неправды...

Итак, не внешними проявлениями благочестия мы спасемся. Евангелие, которое мы читали в день Мытаря и Фарисея, уже нам говорило нечто об этом. Фарисей был верен во всем внешнем, но внутренне оставался мертв и холоден к одному, что только важно: к любви. Он мог сказать Господу: Не молился ли я так часто в Твоем храме? – и услышал бы слова, которые я только что процитировал вам. Он мог бы также вспомнить отрывок из Ветхого Завета, где говорится, что мерзость перед Господом молитва того, кто не прощает брату своему.

И вот сегодня перед нами встает Евангелие о последнем, Страшном суде. Придет день – и не обязательно, когда мы умрем, а это может быть мгновение, когда мы внезапно прозрим, когда внезапно станет ясным наш ум и мы спросим себя: в чем спасение? Могу ли я надеяться вообще на что бы то ни было?.. И первый ответ на этот вопрос мы получили в образе мытаря. Мытарь не мог похвалиться ничем; он был предатель своего народа, он был корыстен, он был недостоин своего народа, недостоин Завета, который был законом этого народа. И он понимал, что он абсолютно, предельно, безнадежно недостоин, и стоял, не смея даже войти в храм, потому что Храм был местом, где живет Бог, местом таким свя-

тым, каким делает его Присутствие Божие. И он бил себя в грудь, говоря: Прости мне, я – грешник... Это – первый шаг к прощению, к исцелению нашей жизни и души.

Сегодня перед нами встает нечто иное. Нас не спасет строгое соблюдение форм жизни, нас не спасет благочестие, – то благочестие, которое можно поставить в кавычки, не спасет молитва, если мы молимся недостойно. На Страшном суде, как ясно выступает из сегодняшнего евангельского отрывка, Господь ничего не спросит нас о нашей вере, наших убеждениях или о том, как мы внешне старались угодить Ему. Он спросит нас: были ли вы человечны – или не были? Когда вы видели голодного, обернулись ли вы к нему сердцем сострадающим, дали ли ему еду? Когда вы видели бездомного, подумали ли вы о том, как обеспечить ему крышу, немощно тепла, немощно защищенности? Когда нам сказали, что кто-то, может быть, знакомый нам, опозорил себя и попал в тюрьму, преодолели ли мы стыд, что мы – его (или ее) друг, и навести ли его? Когда мы видели кого-то, кому могли дать свой излишек, лишнее пальто, лишний предмет, который имели – повернулись ли мы и дали ли его? И это – всё, что Господь спрашивает, когда говорит о Страшном суде.

Как я уже сказал, единственный Его вопрос – это: были ли вы человечны, в самом простом смысле, в каком бывает человеческим любой язычник? Кто угодно может быть человеческим, у кого есть сердце, способное отзываться. Если кто у вас есть, то двери для вас открыты, чтобы войти в Царство и приобщиться Богу, – не sacramentalным приобщением, а причастием более глубоким даже, чем Таинство, – стать едиными с Ним и вырасти в Храм Духа, в

Тело Христово, в место Его Воплощенного Присутствия.

Но если мы были бесчеловечны, как мы можем думать о том, чтобы стать божественными? Как мы можем думать о том, чтобы быть участниками Божественной природы, обладателями Духа Святого, живыми для вечности? Ничего этого не может сбыться.

И сегодня, с ясностью и остротой, перед нами стоит Суд Божий, и стоит перед нами Его милосердие; потому что Бог милосерд, – Он нас предостерегает вовремя. Одно мгновения достаточно, чтобы изменить свою жизнь, – необходимо всего лишь мгновение, не годы, так что и самый старый из нас может во мгновение увидеть свое уродство, ужас, пустоту, неправду своей жизни и вернуться к Богу с плачем, взывая о милосердии. И самый юный может тоже научиться теперь, пока есть время, шаг за шагом, быть просто человеческим. Если мы человечны, тогда мы становимся друзьями Богу, потому что быть христианином – это значит избрать Бога другом себе. А вы знаете, что означает дружба: дружба означает солидарность, дружба означает лояльность, дружба означает верность, дружба означает быть единым в душе, в сердце, в действии с тем, кто наш друг. Это выбор, который мы все, по-видимому, когда-то сделали, – и забывали о нем так часто!

И вот сегодня мы стоим перед этим Евангелием о Суде. Но мы можем что-то и сделать перед лицом его. После службы у дверей будет денежный сбор на организацию, которая заботится о тех, которые бездомны и кому приходится жить на улицах, в подворотнях, кто зависит от прохожего, чтобы иметь возможность напиться, кто зависит от милосердия людей. Так вот, встаньте перед сегодняшним Евангелием; встаньте не только эмоционально, но делом, и когда увидите тарелку у дверей храма, дайте, дайте щедро, дайте всем сердцем, дайте так, как бы вы хотели, чтобы вам дали, если бы вы были на улице, незащищенные, одинокие, надеясь за пределом надежды или потеряв надежду на человеческое милосердие.

У нас несколько мгновений, чтобы сделать что-то бесконечно простое. Сделаем же, и пусть Божие благословение будет со всяким, кто сделает что-то: не просто немножко, но столько, сколько возможно, чтобы другой человек остался в живых, чтобы он мог дышать, а не пропасть. Амины!

“Духовное путешествие. Размышление перед Великим постом”

Митрополит Антоний Сурожский

Св. Иоанн Кронштадтский в «Моей жизни во Христе» пишет, что, когда человек ненавидит, взор его мешает другому даже ходить. Грехом человек не только сам страдает, но страдает все вокруг него вплоть до природы, и когда человек начинает каяться и поститься, то и это отражается на всем вокруг него.

Разрешите такое отступление: если бы современное человечество больше постилось, не было бы столько экологических проблем. Отношение человека к природе совсем не постычское, не подвижничское. Оно брутальное, насильничское. Человек уже эксплуататор или оккупант. Маркс так и учил: надо просто наброситься на природу и использовать ее, овладеть законами и репродуцировать. Это и будет «история» и т.д. Такое отношение – какое угодно, только не человеческое, не гуманное.

Свв. отцы говорили, что мы не плотоядники, а страстоубийцы. Пост не борьба против плоти как создания Божия. И Христос – плоть, и Причащение Его тоже плоть. Но борьба должна идти с извращенностью плоти. Каждый из нас может осознать и почувствовать, что если человек не владеет собой, своим телом, то он становится уже рабом пищи, или питья, или других удовольствий. Начинает вещь владеть человеком, а не человек вещью.

Падение Адама в том и было, что он не захотел сдерживать себя: когда он съел плод, он ничего не получил нового. Заповедь была не в том, чтоб запретить ему есть этот плод, будто в нем что-то было опасное, а чтобы научить дисциплинировать себя, чтобы поставить на путь подвига. В этом подвиг свободы и подвиг любви. Никто, кроме человека, не может это сделать, и поэтому он призван это сделать. Чтобы участвовать в свободе и любви Божией, человек должен быть подвижником.

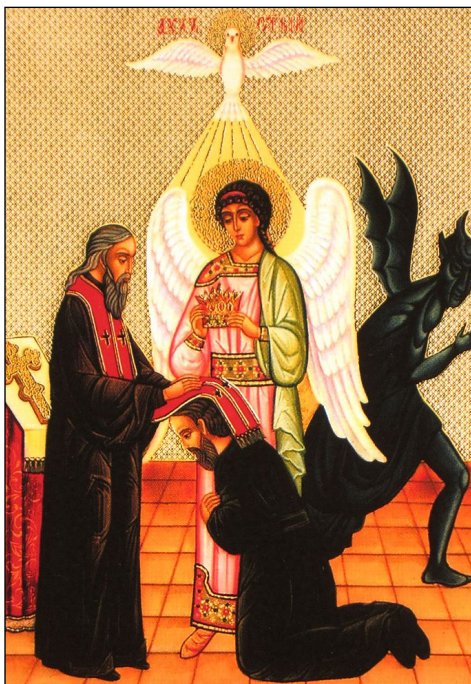
К примеру, футболист должен быть подвижником. Он не может пить и есть, и делать, что хочет, и быть хорошим спортсменом. Не может. Это ясно, как день, как солнце. Христианин же еще больше должен укротить свое тело, чтобы оно служило (по-гречески – литургисало), т.е. чтобы было в «литургии». А «литургия» – значит полная, нормальная общая функция, общая деятельность. Когда мы говорим о св. литургии, то это служение людей Богу, но общий смысл этого слова – нормальное функционирование всего, что дано человеку.

Поэтому христианин, который идет каяться, также употребляет и пост. Надо ради этого поститься, а не для того, чтобы просто исполнить долг или даже, как некоторые думают, заслужить от Бога награду, венец. Никакая жертва, которая ищет награды, не есть жертва, а просто работа, ждущая оплаты. Наемники могут так думать, а не сыновья. Христос, когда пошел на жертву ради нас, не искал от Бога Отца награды за это, а пошел из любви. Как говорит митр. Филарет, из любви к Богу Отцу распялся Сын; из любви Сына к нам Он распялся и из любви Духа Святого победил смерть Своим распятием. Только любовью можно это понять.

В семье или в дружбе, когда есть любовь, очень легко отказаться от какого-то удовольствия ради другого, это естественное желание поделиться с другим.

В этом и заключается правильное понимание поста.

ПОКАЯНИЕ, ИСПОВЕДЬ И ПОСТ

Кроме того, пост помогает нам исправить испорченную человеческую природу, внести нужный порядок, который Бог дал. Это, прежде всего, питаться Словом Божиим, а потом – хлебом. Хлеб, безусловно, необходим. Без хлеба мы не можем жить. Но хлеб – на втором месте. Как Христос ответил диаволу, искушавшему Его в пустыне: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким Словом, исходящим из уст Божиих». Словом Божиим – это значит общением с Богом.

Помню одного русского страдальца, бывшего библиотекарем у нас на факультете. Он сидел 4 года в Дахау. Он принял и воспитал одного сербского сироту, потом женил его. А жена эта выгнала старика из дома. Старик потом умер очень бедным. Он рассказывал, что в Дахау по лицу можно было видеть, кто имеет живое общение с Богом. Там лицемерия не было. Он сказал мне между прочим что, по его мнению, Бердяев никогда живого контакта с Богом не имел. Конечно, Бердяев – трагическая фигура, страдалец, своего рода мученик, и нельзя просто отвергать его. Но слишком он претенциозный, он не знал смирения, даже ругал смирение.

А перед Богом нужно смиряться, но совсем не из «комплекса неполноценности». Иов был больной, многостраждущий, но не был «инфериорный» перед Богом. Он был смиренный, и это смирение давало ему дерзновение. «Сойди с небес», – говорил Богу Иов, и Бог сошел. Не нужно нам принимать психологические или социальные категории: смирение не бессилие, а именно дерзновение. Например, я приехал к владыке Марку, у меня нет денег, я бы тут умер, но я уповаю, что владыка меня будет питать и меня не оставит. Это – дерзновение. В обратном случае я буду недооценивать не только себя, но и владыку.

А вот как христиане древние молились. Один египетский монах говорил: «Я как человек согрешил. Ты же как Бог помилуй». Смирение и дерзновение идут рядом, вместе. Начиная с покаяния, предполагает ли покаяние веру или же

рождается в вере – все равно, они идут вместе. Вера в Бога включает покаяние сразу в мою трагедию, в мою проблему, в мою жизнь. Я никак не соглашаюсь решать свою проблему без Бога. Ищу, значит, общения. А Бог показал через Христа, что Он хочет общения с нами, Сына Своего дал! Возлюбил нас прежде, чем мы возлюбили Его. Значит, Он тоже ищет общения. Это Бог действительно человеколюбивый. Бог активный, Бог, Который называется у некоторых отцов «предваряющий эрос». Чтобы войти в Свое всемогущество, Он выходит навстречу нам, и этим Он ограничивает Себя в нашу меру, чтобы принять нас. Это называется «кенозис». Если бы Он шел прямо к нам, то... как если бы нас обожгло солнце, мы бы просто исчезли. А Он умалил Себя из любви, ища нашего общения не принудительно, просто Он Сам так хочет. И это нам дает сразу достоинство. Поэтому в нашей православной христианской традиции есть большое основание для дерзновения, для надежды на Бога. Человек грешен, но все равно: Бог больше, чем грех! В «Бесах» Достоевского старец Тихон так сказал Ставрогину: «У вас только один шаг до святых». И действительно, этот один шаг человек может сделать – и встретит Бога. Никогда нет невозможного. Человеку невозможно, но Богу возможно. А Бог вошел в эту связь с нами и не хочет, чтобы мы решали свои проблемы без Него. И мы не имеем основания сомневаться в этом, раз Он дал Сына Своего.

Вот какие у нас мощные причины для покаяния. Это не какое-то только моральное поучение человека, что надо-де быть хорошим и поэтому надо каяться. Нет, покаяние возобновляет в нас самые основы христианской веры. Бог хочет нашего спасения, ищет его и жаждет его, и ждет его. С нашей стороны надо только, чтобы мы хотели, и тогда мы сможем, не собой, но Богом.

Покаяние со всеми сопровождающими его христианскими добродетелями: исповедью, смирением, дерзновением, надеждой, постом, молитвой... – покаяние уже есть предвкушение воскресения, даже начало воскресения. Это первое воскресение человека. Второе будет результатом, завершением во время Второго Пришествия Христова.

Такого опыта покаяния не существует ни в какой религии, ни в каком духовном опыте, ни в какой мистике. Даже, к сожалению, и в западном христианстве почти потерялось это чувство, это переживание, это событие.

Нам рассказывал о.Юстин, что он был с начала 1917-го по 1919 год в Оксфорде, он там учился. И вот один англиканский монах после двух лет дружбы сказал ему: «Все вы молодые, веселые, как и мы, но одно у вас есть, чего у нас, как Церкви, нет – это покаяние, мы этого не знаем». «Дело в том, – говорил о.Юстин, – что мы с ним однажды поссорились по настоящему. А потом я уже не мог выдерживать и пошел к нему просить прощения, бросился ему в ноги, плакал, и человек это принял... Вот он и увидел покаяние».

У отцов есть указания, что не надо страсти раздувать, не надо даже никому

«на тень наступать»... Но, для того чтобы это было действительным смирением, это должно исполняться с любовью – т.е. не должно быть просто безразличием к состоянию брата. Иначе это не смирение и не бесстрашие, а просто какое-то конвенционально е отношение, «хороший тон», т.е. лицемерие, официально установленное: не надо-де вмешиваться в чужие дела (пускай во Вьетнаме, в Югославии или на Кубе народ умирает). Все сводится к внешним приличиям... Отец Юстин любил говорить: культура очень часто политура, а внутри – червь. Конечно, не надо быть и агрессивными. Но нас, православных, Бог через историю так водил, мы так открывались Ему, что без проблем мы никогда не могли. Но признание статуса кво, признание режима ненормального нормальным – это не христианство. Покаяние же – это именно протест против ненормального состояния. В семье бывают трудности, в приходе, в епархии, в государстве, в мире – христианин не может с этим «примириться». Он непременно борется. Но начинается он с себя, поэтому покаяние – это самоосуждение, самоограничение, или, как говорили Солженицын и Тарковский, стыд, стыд как религиозное понятие, в смысле того, что человек возвращается в себя и начинает стыдиться своих дел, и сразу появляется решимость изменить это. Можно сказать, что только в православных странах, в России, в Сербии, в Греции, существует покаяние как тема (и даже в литературе). У нас вышел недавно роман Лубардо «Покаяние» – об отношениях сербов, мусульман и католиков в Боснии. И в его романе только сербы каются. И сербы не только говорят, но и творят покаяние.

Слава Богу, это значит, что мы грешные. И тут не гордость, мы не хвалим сами себя, но именно не можем примириться с таким положением, ни нашим, ни других. Отец Юстин это назвал подлинной революционностью христиан против греха, против зла, против дьявола, против смерти. Это бунт человека против ложного себя и бунт против ложного в другом человеке, а в религии – бунт против ложных богов и борьба за истинного Бога. Покаяние ищет подлинного видения мира, Бога, человека, ищет правую веру.

Меня лично потрясает, что в России сейчас масса молодых люди возвращаются к Богу, к православию. У нас это тоже так. Это не просто найти веру в

даже этого его изначального покаяния. Это какая-то «метамелия», а не «метаноя». Это не подлинное восстановление жизни. Поэтому отцы так ревностно стояли за веру.

Но нельзя забывать за этим и то, что любовь – первый догмат нашей веры. Любовь – это подлинный крест, но не бойтесь любви, если она ведет на крест. Не забывайте никогда, что, когда любовь находится на кресте, она остается все равно любовью. Если бы Христос не сказал: «Отче, прости им!» – то не был Христом, поверьте мне. Он был бы героем, идеальным человеком, но не истинным Христом Спасителем. И у Достоевского в «Великом инквизиторе» Христос целует даже инквизитора. Это не сентиментальность, не романтизм, это подлинная любовь, которая не боится. Поэтому мы, православные, чувствуем всегда, что наша сила и непобедимость не в нас самих, а в подлинности того, что мы ищем, желаем, во что мы веруем и для чего мы живем.

В покаянии надо понимать, что Бог по ту сторону нашего добра и нашего зла. Не надо отождествлять себя ни со своими злыми, ни со своими добрыми делами. Не надо думать, что можно обеспечить себя путем делания добра. Надеяться надо только на Бога. Но также надо верить, что и злые дела, хоть я их и осуждаю и отвергаю, не могут отделить меня от Бога моего. У русских есть склонность преувеличивать свои грехи, и задыхаться, и тонуть в них, как в бездне. Это уже своего рода недоверие к Богу. Такое восприятие, преувеличение своих грехов, есть вместе с тем и умаление Бога. Но обратный подход представляет Бога лжецом: Он прислал Сына Своего, чтобы спасти нас, а мы скажем: «Нет, не надо, у меня нет грехов...»

Христос спасает даром! Тут нет с нашей стороны никакого возмездия или восполнения. Но надо подлинно осознать, что грех есть грех, и что грех – зло, и что грех – ложь, и что грех – враг человека. Полное покаяние в православии становится мужественным, а не сентиментальным. Человек поднимается на борьбу. Свв. отцы говорят, что у человека есть дар ярости, гнева и что это – дар Божий. Как дар способности принимать пищу. Но из дара питания может сразу вырасти страсть к еде. Так же и с гневом, за которым стоит движение – динамика. Надо, чтобы добродетель была наступательная – активная, а не пассивная. Но если она деформируется, она может стать тиранией для других, превратиться в агрессию.

Но быть динамичным – надо! Надо бороться со злом. Православное покаяние имеет эту «ярость».

Мне рассказывали, что у одного из старших монахов в монастыре Метеоры, о. Варлаама, случился удар, кровоизлияние в мозг. Произошло это во время послеобеденного отдыха. Лежит он и вдруг видит, что все кругом становится красным. Пытается встать с кровати, но не может. И внезапно у него вырывается из глубины души

мысль: «Умираю, а не исповедовался, не причастился! Разве я, столько лет монах, и умру без причастия?» И волевым усилием поднялся, не знает даже, как нашел дверь. Бог помог: игумен как раз выходил из келии и видел его в таком состоянии. А монах кричит: «Что смотришь? Причастие!» Игумен сразу понял... Монах принял причастие. Потом он еще жил. Но вот сила ярости!

Умираешь? Ну и что же? Разве из-за этого оставишь себя без причастия?

Св. Димитрий поднял Нестора, молодого христианина, благословил на убийство гладиатора Лия, страшно жестокого злодея. Об этом Церковь поет в тропаре св. Димитрию Солунскому. Вот это – подлинно спасоносная ярость. Сила встать на ноги. Когда Иов жаловался, и имел причины жаловаться, Бог не стал его утешать, а потребовал, чтобы он встал на ноги и покорился. Но это и восстановило Иова.

Только православие сохранило подвижнический этос. Мы терпим падения и в терпении не озлобляемся, но и не остаемся равнодушны к другим. Я не могу быть равнодушен. И не могу как христианин позволить себе ненавидеть, потому что ненависть – это бегство от ответственности христианской.

Бывает и на приходах: человек считает, что другой его ненавидит, и этим создает себе алиби не общаться с ним. Но надо пробовать вступать в общение, поставить проблему своего ближнего как свою проблему. И жалеть надо не с гордостью какой-то, а действительно сострадать.

Христианство динамично, а не пассивно. Христианство – это не такая «апатия», как ее понимали древние стоики. Дело не в том, чтобы умертвить себя, а надо в себе умертвить свое служение злу, греху и сделать себя работающими Богу. Жизнь не нирвана. Жизнь – это причащение, Богу слава, поднятие, возрастание. Поэтому покаяние действительно, если оно происходит подлинно и активно. Если оно сразу возбуждает человека, если он сразу чувствует себя званым.

Если провести сравнение между святыми – св. Исааком Сирийским и св. Симеоном Новым Богословом, – то Исаак Сирийский гораздо более угрюмый, печальный. А св. Симеон Новый Богослов – это радость, динамика, он весь в радости.

Так вот, эта более печальная, более угрюмая сторона скорее выражает Запад, например св. Клара. Когда благодать Божия их покидает, они теряются в отчаянии. В православии – нет! Здесь человек говорит: «Бог меня посетил, дал мне Свою благодать, но этим Он хочет меня поднять».

У меня на Афоне всегда оставалось такое впечатление от монахов: афонцы большие подвижники, лишенные многих удовольствий жизни, но все время их лицо радостно. И все они оригинальны, потому что каждый живет живой жизнью.

Покаяние возбуждает хорошую такую «амбициозность» в человеке. Вспомним блудного сына: разве я, сын такого отца, создан для того, чтобы свиней пасти на чужбине? Нет! Я пойду к моему отцу...

Покаяние, молитва, пост, исповедование – все идет спонтанно. Надо так расположить себя, чтобы иметь эту свежесть христианской жизни и стремиться к ней. И, как говорили древние отцы, надо каждый день начинать все снова.

Епископ Афанасий (Евмич)

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ С 20 ПО 26 ФЕВРАЛЯ 2017 Г.

20 ФЕВРАЛЯ ПОНЕДЕЛЬНИК	Прп. Парфёния, еп. Лампсакійского	8:30 УТРЕНЯ. ЧАСЫ. ИСПОВЕДЬ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ. <i>/иерей Александр/</i>
21 ФЕВРАЛЯ ВТОРНИК	ОТДАНИЕ ПРАЗДНИКА СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ	8:30 УТРЕНЯ. ЧАСЫ. ИСПОВЕДЬ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ. <i>/иерей Александр, диакон Алексий/</i>
22 ФЕВРАЛЯ СРЕДА	Мч. Никіфора	
23 ФЕВРАЛЯ ЧЕТВЕРГ	Сщмч. Харалампия	8:30 УТРЕНЯ. ЧАСЫ. ИСПОВЕДЬ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ. <i>/иерей Андрей, диакон Алексий/</i>
24 ФЕВРАЛЯ ПЯТНИЦА	Сщмч. Вл́асия, еп. Севастійского	
25 ФЕВРАЛЯ СУББОТА	ИВЕРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ. СВТ. АЛЕКСІ́Я, МИТР. КИЕВСКОГО, МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ, ЧУДОТВОРЦА	8:30 УТРЕНЯ (ПОЛИЕЛЕЙ). ЧАСЫ. ИСПОВЕДЬ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ. <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ <i>/все священнослужители/</i>
26 ФЕВРАЛЯ ВОСКРЕСЕНЬЕ	НЕДЕЛЯ СЫРОПУСТНАЯ, ВОСПОМИНАНИЕ АДАМОВА ИЗГНАНИЯ. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	8:30 ЧАСЫ. ИСПОВЕДЬ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ СВТ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА <i>/все священнослужители/</i> 17:00 9-й ЧАС. ВЕЧЕРНЯ. ЧИН ПРОЩЕНИЯ <i>/все священнослужители/</i>

**ПРЕПОДОБНЫЙ
ИСААК СИРИН
СОТНИЦА ПЕРВАЯ**

68. Тогда в сонном и бодренном состоянии человека молитва не пресекается в душе его, но ест ли, пьет ли, спит ли, делает ли что, даже и в глубоком сне без труда издаются сердцем его благоухания и испарения молитвы. Тогда молитва не отлучается от него, но всякий час, хотя и безмолвствует во внешности его, однако же в то же время совершает в нем службу Божию. Ибо молчание чистых один из христианских подвижников называет молитвою, потому что помыслы их суть Божественные движения, а движения чистого сердца и ума суть кроткие гласы, которыми сокровенно воспевают Сокровенного.

69. В духовной молитве не молитвою молится душа, но чувством ощущает духовные вещи онго века, превышающие понятие человеческое, уразумевание которых возможно только силою Святого Духа. А это есть умное созерцание и духовное видение.

70. При молитве не гонись за количеством и мерой, но с умилением разумеи псалмопение и не смущайся от диавола.

71. Слезы при молитве – признак Божией милости, признак принятия молитвы и начало вхождения в чистоту.

72. Возлюби на молитве поклоны.

73. Ночная молитва дороже дневной.

74. Кто любит беседу со Христом, тот любит уединение.

75. Заменяй человеческие собрания и беседы на собеседование с Богом.

76. Молитву почитай ключом к истинному смыслу, сказанному в Божественных Писаниях. Молись так: «Дай мне, Господи, принять ощущение заключающейся в них силы».

77. Нерассеянная молитва производит в душе ясную мысль о Боге, и водружение нами в себе памятования о Боге есть вселение в нас Бога.

78. Покаяние есть возрождение от Бога и рождается от веры и страха наказания, пока не приобретем любви.

79. Мученики есть за веру во Христа и бескровные – за соблюдение заповедей Христовых.

80. Заповеди даны против страстей, чтобы очистить душу и ввести ее в первобытное состояние.

81. Бойся Бога из любви к Нему и познай – откуда мысль ведения западает в персть нашу.

82. От Бога посылается мысль об исходе души и, если человек не угасит ее, а будет возвращать в безмолвии, то приведет она к глубокому созерцанию.

83. Когда душа выходит из тьмы, сердце горит и, как огонь, распаляется день и ночь, мир вменяется в уметы и пепел, дается поток слез во всякое время и во всяком деле. Это признак того, что переплыл ты море.

84. Приношения праведных – слезы очей их. Некоторые множеством слез заменяют все службы. Пока не достиг ты в область слез, дотоле сокровенное твое служит еще миру, то есть ты ведешь еще жизнь мирскую, и Божие дело делаешь еще внешним человеком, а внутренний человек твой бесплоден, потому что плод его начинается слезами.

85. Когда достигнешь в область слез, знай, что ум твой вышел из темницы мира сего, поставил ногу на стезю нового века и начал обонять чудный новый воздух.

86. Слезы начинают источаться, потому что приблизилось рождение духовного младенца, Божественного образа от благодати.

87. Слезы бывают непрерывно день и ночь. Очи достигшего в сию меру уподобляются водному источнику до двух и более лет, а потом приходит он в умирение помыслов, и входит в покой (Евр. 4:3), и начинает созерцать тайны.

88. Тогда Дух Святой начинает открывать ему небесное, и вселяется в нем Бог, и воскрешает в нем плод Духа.

89. Делание монаха – плач.

90. Если нет слез – изучай Писания и насыщайся ими.

91. Слезы при молитве – признак Божией милости, принятия молитвы и начала вхождения в чистоту.

92. Сердце, милующее при воспоминании о всем творении, о человеке, о птицах, о демонах, о всей твари, источает слезы и молится о врагах, чтобы они были помилованы.

93. Кроме слез не ищи другого более явного признака благодати.

94. Когда душа выходит из тьмы, тогда бежит от мира, пищи, и слезы потоком льются.

95. От напряженного делания рождается горячность, утончение ума. Много раз идут у человека слезы и потом оскудевают, а за сим следуют – непрестанные слезы, и от многих слез душа приемлет умирение помыслов, умирение браней. Затем происходит воздвижение до чистоты ума, открывается ведение тайн Божиих, и ум зрит откровения и знамения.

96. И бывает у тела вопль, смешанный со сладостью меда, очи уподобляются водному источнику до двух и более лет непрерывно день и ночь, а потом приходит он в умирение помыслов и в покой.

97. Когдаходишь в умирение помыслов, тогда отъемлется у тебя множество слез, и потом приходят к тебе слезы в меру и в надлежащее время. Это есть самая точная истина, короче сказать, так верует вся Церковь.

98. Бдение ума дарует душе херувимские очи. Днем же храниться нужно от сходбищ и бесед.

99. Если бы тело по немощи своей ослабело и не могло поститься, то ум одним бдением может привести в благородство душу и дать ключ сердцу к духовному уразумению.

100. Если нет сил, то сидя бодрствуй и молись сердцем ночью.